

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

**Евгений
Шалашов**

**ЧЕКИСТ
СЕКРЕТНАЯ
КОМАНДИРОВКА**

«КРЫЛОВ»

Чекист

Евгений Шалашов

Чекист. Секретная командировка

«Крылов»

2022

УДК 177.5
ББК 88.5

Шалашов Е. В.

Чекист. Секретная командировка / Е. В. Шалашов — «Крылов»,
2022 — (Чекист)

ISBN 978-5-4226-0407-4

За двадцать с лишним лет службы в органах госбезопасности Олег Васильевич Кустов не скопил денег и не дослужился до высоких чинов. Единственное, что он умеет – защищать свою Родину от врагов. Как внешних, так и внутренних. В результате странного эксперимента Кустов перенесся в 1918 год и попал в тело Владимира Аксенова – выпускника учительской семинарии, двадцатилетнего ветерана Первой мировой войны, служащего журналистом в провинциальной газете. Однако, как известно, бывших чекистов не бывает. Поэтому Кустов-Аксенов недолго задерживается в журналистах. Он поступает на службу в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Став чекистом, он понимает, что враги остаются врагами, в какую бы шкуру их не рядили, а истинная ВЧК совсем не похожа на ту «кровавую машину», о которой писали либеральные СМИ. Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0407-4

© Шалашов Е. В., 2022
© Крылов, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Шалашов

Чекист. Секретная командировка

© Шалашов Е., 2022

© ИК «Крылов», 2022

* * *

Автор выражает признательность-за неоценимую помощь в написании книги Дмитрию Дашко, Борису Сагадееву, Михаилу Ункафову, Александру Логачеву, Владимиру Смирнову, Александру Уварову, Елене Наумовой и Евгению из Группы переводчиков «Исторический роман» [https:// vk.com/translators_historicalnovel](https://vk.com/translators_historicalnovel).

Пролог

Я портил уже второй лист бумаги. Ну, что поделывать, если раньше не приходилось писать рапортов об увольнении. Как правильно: «Прошу уволить меня по собственному желанию» или «по достижению выслуги лет»? И писать на чье имя? Не то на непосредственного начальника, не то на начальника управления. Плюнув, пошел в секретариат, где за пару минут под руководством девочки-секретарши изложил рапорт, проследил, чтобы его зарегистрировали, а еще для чего-то записал себе дату и входящий номер. Пошел в кабинет, надеясь, что тяготины с увольнением не затянутся слишком надолго. Впрочем, на скорый уход я не рассчитывал. Пока пройду медкомиссию, пока то-сё, пятое-десятое, это дело может затянуться и на месяц-другой. Впрочем, у военных процедура ухода на заслуженный отдых длится еще дольше.

Я еще только открывал дверь, когда услышал треньканье телефона внутренней связи. Вроде при наличии современных гаджетов сие есть лютый анахронизм, но везде свои правила.

Ага, как я и думал, трезвонил именно тот аппарат, что связывает меня с начальником Управления. Оперативно! А я думал, что в начале будет звонить начальник отдела.

– Олег Васильевич, зайдите ко мне.

Голос был строг и без малейших оттенков фамильярности. Значит, точно из-за рапорта. И чего это генерал нервничает? На мою должность желающих много, тем более после того прокола, что был допущен не так давно, меня так и так бы заменили на какого-нибудь молодого и ретивого майора, мечтающего о второй звезде. Ну, а меня... «Задвинули» бы на консервный завод, если такие существуют в природе.

– Олег, а это как понимать?

Мой начальник прилепнул ладонью мой рапорт. Ишь ты, уже и по имени, и на «ты». Не спрашивая разрешения, я сел напротив шефа, сделал грустный вид и посмотрел в его карие глаза.

– Не слышу ответа! – повысил голос генерал. – Это что такое?

– Рапорт, – кивнул я.

– Я вижу, что рапорт. Но вот – какого хрена ты его написал?

На самом деле генерал употребил другое слово, но из цензурных соображений я его не стал вставлять в текст.

– Выслуга позволяет, возраст тоже, – пожал я плечами.

– И что ты на гражданке будешь делать? – ехидно поинтересовался генерал. – В охрану пойдешь работать?

– Ну, пенсия у меня приличная будет, – хмыкнул я. – Моя пенсия, да и жена пока работает – нам на двоих хватит. Квартира у меня есть, дача тоже. И дочь давно на своих ногах стоит. Буду книжки читать. Ну, может, рыбу начну ловить. В крайнем случае пойду в школу ОБЖ вести, или историю.

– Не смейся, в школу он пойдет, – фыркнул генерал, как старая лошадь. – Ты двадцать с лишним лет на «контору» пахал, какая школа?

Я почувствовал, что постепенно начинаю злиться.

– А что я здесь буду делать? Сидеть и на каждом совещании подначки слышать о том, что группа подполковника Кустова вместо шпионов своих вредителей выявила? И на кой оно мне на старости лет?

– Стоп! – поднял генерал ладонь кверху. – Про старость ты мне не говори, я тебя старше буду.

Слегка помолчав, продолжил:

– Это ты про тот случай?

«Тот» случай был простым и нелепым. Около года назад к нам обратился за помощью владелец крупного промышленного предприятия. Не стану говорить, что это за предприятие, могу только намекнуть, что стоит оно у нас на особом контроле как имеющее отношение к оборонной промышленности, да это и не особо важно. Так вот, у олигарха (разумеется, не у него самого, а у кого-то из его топ-менеджеров) появились подозрения, что кто-то «сливает» за границу кое-какие секреты. Мы полгода рыли землю, чтобы выявить шпиона, а когда нашли, то выяснили, что вражеских разведок здесь и не ночевало, а имеет место быть недобросовестная конкуренция. Секреты покупал конкурент нашего олигарха. Забавно, но по самым скромным подсчетам, денег на шпионские игры он потратил больше, нежели у него ушло бы на легальную покупку лицензии. Но с другой стороны – каждый играет в собственные игры.

– Стоп, – снова повторил генерал. – Либо я дурак, либо я чего-то недопонимаю. С каких рыжиков ты решил из-за этого рапорт подать? Ты не в курсе, что олигарх из-за этого случая Самому, – поднял начальник глаза ввысь, – на конкурента телегу наката, а нас с тобой в самых радужных красках расписал?

Я уже невесть в который раз пожал плечами. Не та фигура подполковник госбезопасности, чтобы знать, о чём толкуют олигархи с Гарантом.

– А должен быть в курсе, – упрекнул меня шеф, а потом подтянул к себе красивую кожаную папочку, на которой красовалась надпись «На подпись», оставшаяся ещё со времен прежнего владельца кабинета, генерал-полковника КГБ. Вытащив из кожаной обложки некий документ, подпихнул его поближе ко мне:

– Читай.

Вот те раз! А это было представление на присвоение мне звания полковника. Причем подписанное начальником отдела и согласованное с генералом. Не хватало только подписи Директора, но все понимают, что она появится, ибо без ведома Главного Чекиста подобные представления не пишут, потому что моя должность подполковничья и «вилки» у нее нет.

– И что теперь скажешь? – хитренько посмотрел на меня шеф.

А что тут говорить? Спроси любого и каждого подполковника – хочет ли он стать полковником, что услышишь? Вот-вот. Ну, придется ещё пять лет служить, так оно не страшно. И впрямь, что я стану на пенсии делать? Рыбалку я терпеть не могу, а книжки можно и на выходных почитать.

Вместо ответа я взял свой рапорт и разорвал его на две части. Поискал глазами – куда бы бросить, но не нашёл, а генерал, забрав обрывки рапорта, собственноручно отправил их «майору Корзинкину».

– Значит, господин подполковник. Пока ты подполковник, – подчеркнул шеф. – Пока ты ещё в строю, есть очень секретная командировка.

Я слегка насторожился. У нас любая командировка секретная, по определению, а тут...

Спрашивать ничего не стал. Начальник сам всё скажет.

– В общем, тебе пока работы всё равно нет, потому съездишь в одно НИИ. Оно не по нашему ведомству проходит, а у военных, но присутствие «конторы» необходимо. У них там какой-то эксперимент проходит. Съездишь, посмотришь, акты подпишешь. Пока туда-сюда едешь, представление уже подпишут, в приказ пойдешь.

– А что за эксперимент? – поинтересовался я на всякий случай, хотя мне было всё равно.

– Что-то такое с временем связано, – пожал плечами генерал. – Я особо-то не вникал, чистая формальность. Просто этот НИИ собираются нам на баланс передать. Нам эта головная боль ни к чему, но кто меня спрашивать станет? В общем, посмотришь, мне расскажешь. Ну, а потом поляну готовь...

Я проснулся в какой-то комнате. Нет, скорее комнатухе. Кровать (или на чём это я?), прижатая к тёплой стене печки, занимала добрую треть помещения, в ногах стоял стул, на спинку которого была брошена гимнастерка и странные штаны защитного цвета. В

клетушке имелся ещё один предмет мебели – что-то вроде самодельного стола, заваленного газетами и бумагами.

Глава 1

Попадание

Выпростав из-под ватного одеяла левую руку, я уже собрался вставать, но, уставившись на свою конечность, упал обратно. В тусклом свете, проникавшем сквозь замызганное стекло небольшого окошка, ладонь отчего-то показалась и уже, и длиннее, а кожа выглядела нежнее. И отчего-то ныло предплечье. Интересно, с чего это?

Чтобы разобраться, что за дела, пришлось снимать с себя рубашку. Кстати, очень походившую на нательную, которую я последний раз носил лет этак... тридцать назад, будучи солдатом срочной службы.

А вот увиденное не порадовало: вдоль предплечья тянулся длинный шрам, ещё свежий, не успевший зарубцеваться. И, похоже, никто не озаботился в своё время зашить – просто стянули края, а потом чем-то обмотали.

Итак, суммируем: незнакомое место, незнакомое тело, однако это тело подчиняется моим приказам. Что ж, уже неплохо. Встав-таки с постели, покрутил головой по сторонам, пытаюсь отыскать зеркало, но не нашёл. Что ж, придётся так.

Глянув в темноватое стекло, увидел за окном грязный сугроб, а уже потом собственное отражение – не зрелый мужчина пятидесяти лет, а совсем ещё молодой парень. Навскидку – лет двадцать пять-тридцать.

Я снова упал на постель, пытаюсь собрать в кучу разбегавшиеся по углам мысли. Итак, погнались. Значит, вчера, ровно в семнадцать ноль-ноль я приехал в один из многочисленных подмосковных городков, где находился тот самый НИИ. Водитель подвёз меня к КПП, я вышел, предъявил пропуск, прошёл через длинную галерею, соединявшую КПП и корпус. Пока шёл, меня не покидало ощущение, что за мной наблюдают – и через телекамеры, и через оптику прицелов. Ну, так оно и должно быть. Миновал проходную (пропуск пришлось снова предъявлять). Около турникета меня перехватил один из сотрудников и повёл в сторону лифта. Вот лифт был интересный – он ехал не вверх, а вниз. Сколько этажей проехали, я не помню, да и задачи такой не было – считать этажи, но, по ощущениям, углубились мы метров на восемьдесят. Потом меня проводили в какую-то комнату, где уже сидело человек пять, неуловимо похожих друг на друга, да и на меня тоже людей. Видимо, такие же «наблюдатели», носившие на плечах незримые погоны и относящиеся к разным ведомствам. Их (и людей, и ведомств) у нас хватает. Ну, а потом к нам вышел мужчина, лет сорока, в дорогом костюме, и совершенно обыденным тоном заявил, что в семнадцать двадцать четыре нам откроют окошечко, через которое мы сможем наблюдать возвращение «хрононавта», отправленного сегодня, в шестнадцать двадцать пять в будущее, на час вперёд. Все вопросы можно будет задать потом, после возвращения. Добавил, что время работает только в одну сторону, значит, и путешествие возможно только вперёд. Через две-три минуты стена раздалась в стороны и мы увидели, что за толстым стеклом (оно слегка бликовало) стоит что-то похожее на душевую кабину... или на огромный стакан, облепленный датчиками. Все принялись напрягать глаза, чтобы узреть возвращение, но вместо этого увидели искры и зеленую волну, ударившую из кабины по нам, наблюдателям. Что было дальше, я уже не помнил. После этого очнулся здесь, в комнатухе с кроватью и столом. Примем на веру, что меня куда-то перенесло. В пространстве – сто процентов, а во времени... Хм. Когда я подъезжал к НИИ, был август, а здесь, судя по снегу, март-апрель.

– Оцухался?

В комнату заглянула женщина. Не сказать, чтобы старая, но из-под сбившегося набок платка выглядывали седые волосы, а лицо было покрыто морщинами. Но меня отчего-то удивило другое – её выговор.

– Угу, – угрюмо отозвался я.

– Оцухался это хорошо! – обрадовалась женщина, снова выговорив «ц» вместо «ч». – Тебя как со службы привели да сказали – на, мол, тетка Степанида сваго квартиранта, сомлел он, я уж и подумать-то не знаю цё! Думаю – вон, мол, матка-то твоя покойница, царствие ей небесное, цто мне на том свете-то скажет? Приехал Вовка с войны, навроде жив-здоров, ну с рукой пораненной, да с рукой-то ладно, заживёт, как на собаке, иные и без рук приедут, а то и без хозяйства мужского, так и то ницаго, а ты, дура старая, не сберегла парня...

Женщина – ну, которая тетка Степанида, была не просто словоохотлива, она была болтлива, как пьяная сорока. Я старался пропускать мимо ушей лишнее, но из потока слов умудрялся извлечь нужную информацию. Итак, меня зовут Вовкой, я с полгода как пришёл с войны, родители умерли. А ведь и впрямь меня перенесло во времени. Любопытно, с какой войны я вернулся? Так с какой, чего тут гадать. С Великой Отечественной. Стало быть, меня занесло в эпоху, предстоящую (или отстоящую, как правильно?) за двадцать пять лет до моего рождения. Ещё бы узнать, чем я тут занимаюсь. Может, тружусь на каком-нибудь заводе токарем? Тогда неплохо бы выяснить, с какой стороны к станку подходить.

Укравкой я снова посмотрел на свои руки. Нет, не похоже, что они принадлежат рабочему человеку. Уж слишком чистая кожа, нет «траурной» каймы под ногтями, а на правой руке, на указательном пальце – небольшое фиолетовое пятнышко. Чернила? Такие пятна у меня были в первом классе, когда нас ещё заставляли писать чернильными ручками.

– Ты цё, опять рану-то расцёсывал? – не унималась старуха. – Тебе цё доктор-то сказал – не цесать и не моцить!

– Да не расчесывал я! – возмутился я.

Причем возмутился как-то по-ребячески, хотя бы следовало промолчать. Моё возмущение вызвало новый поток слов, из которых я понял, что я бестолочь и ничего путного из меня не выйдет, хотя и учился в семинарии!

Это что же такое, ко всему прочему я ещё и в семинарии учился?! Вот те раз! Да я ни одной молитвы, кроме «Отче наш», не упомяну.

– Да ладно, тетя Стеша, не ругайся, – виновато произнес я, а женщина, сразу же замолчав, слегка недоуменно уставилась на меня. Не иначе, я в чем-то допустил прокол. И точно.

– Цё-от, тетя Стеша? Ты ж меня все время бабкой звал?

– Дурак потому что, – улыбнулся я. – Какая ты ещё бабка? Ну, если хочешь, могу и бабкой называть.

Тётка хмыкнула, но ничего не сказав, вышла из комнаты. Мне же вдруг захотелось сделать кое-какие утренние дела. Порадовался, что пока лежал «сомлевши», не сходил под себя.

Тапочек рядом не обнаружил, зато были опорки от валенок. Решив, что в нижнем белье (а кальсоны не на пуговках, а на тесёмке!) выходить не комильфо, надел штаны, оказавшиеся выдавшими виды галифе.

Будь я городским жителем «до мозга костей», пришлось бы трудновато. Но, к счастью, первые семнадцать лет своей единственной и неповторимой жизни я прожил в деревне, потому сумел сориентироваться в доме довольно быстро. Все «удобства», расположенные на повети, отыскал легко. Вот только рука, автоматически поднимавшаяся к выключателям, отыскивала лишь гладкую стенку. М-да, электричества покамест нет. Плохо впотьмах, но не смертельно.

Вернувшись в дом, пошел умываться. Уже ожидал, что обнаружу на кухне какой-нибудь медный рукомойник на цепочке, но нет – вполне обычный умывальник, вроде тех, что до сих пор используют дачники. А вот ведро переполнено, надо бы вынести.

Выйдя из дома на улицу, глотнул весенней прохлады, а потом без труда отыскал помойку – за домом, между грядками, угадывавшимися под таявшим снегом.

Немного постоял на крылечке, прикидывая – куда меня занесло? Деревянные одноэтажные дома и справа, и слева. Пахло дымом, где-то мычала корова, лаяли собаки. А напротив,

на той стороне дороги (улицы?) высился двухэтажный краснокирпичный дом. Как я помнил, такие строили в конце позапрошлого – начале прошлого веков. И был этот дом без выщербленных кирпичей, без сколов и изъянов. Так что, скорее всего, какой-то город. Впрочем, это может быть и окраина Москвы или какого другого крупного города. Стоп! А говорок тётушки Степаниды, в котором «ч» заменяется на «ц», не подсказка? Не скажу, что я очень силен в диалектах, но первое образование получал на истфаке. Так, «оканье» характерно для жителей Вологодского края, Поволжья, «акают» в Центральной части, а в южных областях, вроде Курской и Орловской, «хэкают». Коли мне память не изменяет, «цокают» жители Новгородской области. Стало быть, меня сюда занесло. Ладно, будем иметь в виду.

Замёрзнув, вернулся в тепло, а тётя Стеша уже возилась у устья печи. Она опять искосяглянула на меня и опять хмыкнула. Неужели опять какой-то прокол?

За рукомойником была небольшая полочка, где стояло зеркальце. Не удержавшись, взял его в руку и принялся рассматривать свою физиономию. А вообще, ничего так. Молодой. Ну, а как описать собственную новенькую харюшку, я и не знаю. Глаза не косят, нос не скошен, так и ладно. А вот щетину надо убрать. Небольшая, но всё равно непорядок!

Ох, ты же боже мой! А бритва-то опасная! Да ни одна зараза, описывавшая «попаданчество» в иные миры, не писала, что там приходится пользоваться опасной бритвой! И никто не держит на полочке крем для бритья. Значит, придется вспомнить далёкие времена, взбивать пену для бритья (мог бы догадаться, что тёплой водой оно удобнее!), а потом... Ну, всего-то пара порезов, так ничего страшного.

– Иди, харю-то газеткой залепи, – мрачно посоветовала тётка, продолжавшая наблюдать за мной.

Газеткой? Я не сразу и понял, а потом вспомнил, что мой отец залеплял порезы от бритвы кусочками газетной бумаги. У него даже были заготовлены беленькие полоски, отстриженные от полей.

– Ага, спасибо, – поблагодарил я, отправившись в свою комнатку.

Заклеив кровоточащие ранки, посмотрел на стол. А ведь этот самый Вовка, который теперь я, был порядочным свинтусом. На столе творится чёрт-те что! Скомканные листы бумаги, рванные газеты. Не удержавшись, начал наводить порядок. Если честно, всю макулатуру я бы отдал тётке Степаниде на растопку печи, но тут пока не рискнул. Как знать, понадобится мне это или нет. Особенно газеты. Елки-палки, а я баран! Газеты! Это же находка для шпиона и «попаданца»!

Ну, конечно же, первой попалась на глаза главная газета, именовавшаяся «Правдой», но с подзаголовком, вынесенным в скобки: «социал-демократ». Опаньки! Бросилось в глаза, что фраза «цена тридцать копеек» прописана как-то странно. Вместо буквы «е» стоит знак, напоминавший мягкий, только палочка перечёркнута. Так это же буква «ять», упраздненная в семнадцатом году. Или позже? Социал... И слово «копѣкъ» с твердым знаком.

Номер датировался 16 марта 1918 года, но имел две даты – 16(3). Ну, с этим понятно. На «новый стиль» перешли только в январе, не все привыкли. В глаза бросился заголовок «*О денационализации банковъ*». Это что же такое? Неужто я попал в альтернативную реальность, в которой большевики отказались от основных декретов? Ан, нет. Оказывается, речь шла о слухах, которые газета поспешила развеять, сообщая, что все банки – как коммерческие, так и государственные, остаются в руках советского правительства. В этом же номере было напечатано объявление о том, что в связи с переездом редакции газеты «Правда» в Москву просьба «товарищам корреспондентам направлять статьи и прочее по адресу: Москва, Скобелевская площадь, гостиница „Дрезден“, комната номер 254». Где это такая? Ну, если Скобелевская, то на ней должен был находиться памятник «Белому генералу». А он, сколь помнится, был когда-то на Тверской. Может, Тверскую когда-то и называли Скобелевской? Жаль, в «москвоведении» я не силен.

Скромно для главной газеты. Впрочем, издержки переезда.

А вот в следующем номере от 18 марта (по н. с.) была более интересная информация. «Правда» сообщала, что 16 марта с. г. на IV Чрезвычайном съезде Советов советская сторона окончательно ратифицировала договор с немецкой стороной, который был принят делегатами съезда при поимённом голосовании большинством в 704 голоса (против – 284, при 115 воздержавшихся). Ещё там было сказано, что в знак протеста против подписания мирного договора все левые эсеры, включая Штейнберга, Шрейдера, Карелина, Коллегаева и Прошьяна, в знак протеста вышли из состава Совнаркома.

Отложив в сторону центральную прессу, подтянул к себе другую газету, форматом поменьше. Ага, это уже местная. «Известия Череповецкого уездного Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов», датированная 15 (2) марта 1918 года. Опять-таки написано, что это «Извѣстія Череповецкаго Совѣта». Наличествуют твердые знаки, яти.

Череповец. Стало быть, я в Вологодской области. Но почему же «цоканье»? Хотя, возможно, что тётка приехала из Новгорода, а здесь не отучилась от своего диалекта. Хотя...

Стоп-стоп-стоп. Вот тут написано, что Череповец является уездным городом Новгородской губернии. Вон оно как, а я и не знал. Области у нас формировались в году так девятьсот тридцать восьмом или тридцать седьмом. Ну, как-то так. Значит, Череповец именно в те годы и «пристегнули» к Вологде. Что ж, теперь буду знать.

Местная пресса сообщала, что «Исполнительный комитет Череповецкого уисполкома, обменявшись мнениями, по вопросу войны и мира, принимая во внимание положение и настроение масс Череповецкого уезда о немедленном заключении мира с Германией, дает наказ своим депутатам о том, чтобы мир был немедленно подписан». Эх, надо было вначале местную прессу посмотреть, в хронологическом, так сказать, порядке. Ну, теперь уже без разницы. Брестский мир принят, а скоро в стране развернётся гражданская война? Или она уже идет? Ну, вот и посмотрим.

Похоже, я увлекся чтением газет и не услышал нарочито громкого покашливания тётушки.

– Володь, а ты на службу-то идешь?

Что это она вдруг вместо Вовки?

– Да надо бы, – вздохнул я. А потом, неожиданно брякнул: – Ещё бы понять, что у меня за служба такая!

– Так цё непонятного-то? – усмехнулась тетка. – Сидишь себе да бумагу переводишь. Вон, бумаги на пятак изведёшь, а пропечатают на семишник. Хорошо, что в твоей газете бумагу бесплатно дают, а то бы по миру пошел!

Ай да тётка, ай да молодец! Теперь я знаю, что я журналист. И, вполне возможно, что работаю именно в газете со столь длинным названием. Вот, чего бы им название не сократить?

Одна газета «Известия» у нас уже есть, так чего бы не обозвать «Известия Череповца» или какой-нибудь «Череповецкий листок»?

– Парни, цто тебя принесли, сказали, цто нацальница велела на службу прийти, как оклемаешься, – заявила тётушка.

Хорошая новость, обрадовался я. Можно посидеть дома денёк-другой, а то и недельку. Поговорить с тётушкой, потом потихонечку выйти в люди, народ порасспрашивать. Глядишь, буду владеть информацией о текущем моменте, чтобы не выглядеть полным дураком. Но вслух сказал:

– Вот прямо сейчас и пойду. Чаю бы только попить.

И чего я так сказал? Да просто, если возникает проблема, лучше решать её сразу. От того, что отсиживаюсь, лучше не станет. К тому ж, если, как говорили, «сомлел» я вчера, то сегодня народ с пониманием отнесется к моим провалам в памяти. А если я заявлюсь через неделю, то это хуже. Получить репутацию «ушибленного» на голову мне вовсе не хотелось. А так можно

списать на какую-нибудь фронтовую контузию, о которой я и думать забыл. Выглядит вполне правдоподобно.

– Так чего только цаю? – обиделась тетка. – У меня уже и яишня готова. Вот с хлебом у нас худо, да сам знаешь.

Моя комната была маленькой, а большая совмещена с кухней. Там же, судя по обеденному столу, накрытому клеенкой, была и столовая.

Отойдя к рукомойнику, я смочил ладони водой (типа помыл руки перед едой!) и сел за стол.

– Мяу! – раздалось из-под стола, и ко мне на колени запрыгнула упитанная черно-белая кошечка.

Ну, к кошкам я всегда равнодушен, как же такую красавицу не погладить?

Я наглаживал кошечку, она благодарно урчала, устраиваясь поудобнее.

– А ну-ка перекрестись!

Глядя, как тётушка смотрит на меня (а в её руках грозное оружие – горячая сковородка с яичницей!), я торопливо перекрестился. Чего это она?

Череповец. вид с птичьего полета

Глава 2

Знакомый незнакомец

Сковородка, от которой исходил огнедышащий аромат, благополучно упала на деревянную подставку прямо перед моим носом.

– Тётя Стеша, ты чего это?

– Ты ешь, да не блей! – сурово сказала тётушка, ставя передо мной солонку, кладя черствый кусочек хлеба и щербатую вилку.

– А сама? – кивнул я на сковородку, куда было вбухано – судя по желткам – не меньше пяти яиц. – Мне столько точно не съесть.

– Ну, оставишь немножко. Я ж старая, мне много не надо.

Я только пожал плечами и принялся за еду. Надо сказать, что яичницу я обожаю, ел бы ее каждый день, но супруга считает иначе. Потому любимое блюдо удастся поесть лишь тогда, когда дорогая в отъезде.

Яичница тётушки оказалась выше всяких похвал. Похоже, зря я считал, что мне её не осилить. Верно, новое тело требовало пищи больше, чем требовалось мне самому. Вот если бы я ел по пять яиц в день, то уже и сам бы закукарекал. Потому мне понадобились некоторые усилия, чтобы хоть что-то оставить на сковородке. Однако тётушка запротестовала.

– Э, да куды мне столько?

Тем не менее она с удовольствием «прикончила» остатки моего завтрака, довольно вздохнула и принялась наливать чай из небольшого закопченного чайника. Мне был выставлен стакан в шикарном серебряном подстаканнике (может, Фаберже?), а себе квартирная хозяйка поставила щербатую чашку и слегка треснутое блюдце. Сахара к чаю, конечно же, не оказалось, как не было и того, что я очень люблю – ни плюшек, ни печенюшек. И на вкус чай был немного странным. Ну, не цейлонский и даже не грузинский. Впрочем, всё лучше такой, нежели хлебать пустой кипяток.

Вот, поди же ты, сам не заметил, как начал думать на языке той давней эпохи. В двадцать первом столетии я бы сказал – мол, пить кипяток. Ба, так это же Иван-чай, самый модный напиток нашего времени! Сделав пару глотков, я спросил:

– Ну, так чего креститься-то заставляла? Решила, что в меня чёрт вселился?

– Так решишь тут, – хмыкнула тётка без малейшего смущения. – Вот сам-то посуди – ты тут уже полгода живешь, ешь-пьешь да спишь. Ну, слова худого не скажу – деньги за квартиру платишь исправно – хотя я по-родственному с тебя тока за дрова и беру, паёк мне полностью отдаешь. Но чтобы поганое ведро вынес али постель за собой заправил – такого не было. Или вон ты же меня бабкой звал, а теперь тётя Стеша. Вроде старая я уже, а всё равно – приятно мне, что сын племянки покойной «бабкаться» перестал.

– И кошек, наверное, я раньше терпеть не мог, – улыбнулся я, догадавшись ещё об одном «проколе».

– Ну, про кошек сказать нищего не могу, а на Ваську моего ты все время шипел, а то и пнуть норовил. Но Васька-то мужик умный, он тебя стороной обходил. А сегодня-то он к тебе ровно к родному. Меня ажн завидки взяли! Лежит, скотина такая, на цужих коленках да мурлыкает. Он у меня так никогда не мурлыкал.

Вот не скотина же он, мой предшественник! Или как там правильно – реципиент? Слово-то какое, хрен выговоришь. Пусть уж лучше «хозяин тела». Ну, хрен разница, но он – скотина, раз кошек не любит. Ну, котов, какая разница!

Впрочем, если его дух перенесся в моё тело, я ему не завидую. Наверное, сейчас его (или меня?) пакуют в смирительную рубашку и везут на Канатчикову дачу, она же Кашенко.

Впрочем, мои коллеги, скорее всего, отправят брненное тело в какой-нибудь подведомственный институт, где начнут вдумчиво допрашивать несчастного Володьку. А возможно, что и не его одного. Сколько нас там было? Пятеро проверяющих как минимум. И тот – не успевший представиться. И ещё, думается, человек десять, а может и больше.

Мне отчего-то стало жалко не себя, а несчастного парня, вырванного из привычной обстановки и отправленного в далекое будущее. Впрочем, а кто сказал, что мы просто помещались телами? Вполне возможно, что в мою оболочку вселился кто-то другой, умело приспособившийся к изменившимся реалиям. Думать о том, как супруга воспримет мою тушку, с иным наполнением, не хотелось. Смысл? Вот, когда выберусь из этой лабуды, тогда и посмотрим. А в том, что выберусь, я не сомневался. Но для начала нужно укорениться здесь, в этой реальности.

– Ты ж говорил, что тебя только поранили? Али про контузии не упомянул? – поинтересовалась тётюшка.

Мне осталось только пожать плечами. В который раз за сегодня?

– А я и сам не помню. Ну, может, что-то и было, мало ли. Граната рванула, ещё что.

– Ну, в горячке-то ещё и не то бывает, – вздохнула тётка. – Как сейчас помню – батька мой в лесу как-то ногу порубил – лес-от по-мещиций был, торопился шибко, а в запарке-то и не заметил. Домой пришел – кровышшы полваленка, а он и помер. Может, тебе к доктуру сходить? Пушай он твою голову глянет.

– А что доктор? – отмахнулся я. Не удержавшись, вспомнил один из фильмов, раздерганных на цитаты. – Спросит: «На что жалуемся?» Скажу: «На голову!» А он мне: «Это хорошо. Лёгкие дышат, сердце стучит, а голова – предмет тёмный, исследованию не подлежит». Было у меня уже такое. Пришел к врачу, сказал – мол, так и так, провалы в памяти. А он мне – мол, штаны не забываешь снимать, коли по большому ходишь? Нет? Ну, так все нормально, иди отсюда!

– Это да, дохтура, оне такие, – печально кивнула тётка. – Вон, давеча кума к дохтуру земскому ходила – мол, спина болит, нагибаться не могу! А он ей – так ты, бабуля, и не нагибайся. Врачи, они все такие.

Мне стало немного смешно. Стало быть, врачей ругали и в прошлые времена, планида у них такая. Мы ещё немного посидели, поругивая медицину, а потом тётюшка решительно заявила:

– Ты, Володя, сегодня на службу-то не ходи. Газета твоя – это не корову доить. Обойдутся они денек и без тебя. А вот завтра с утречка и пойдешь. А я тебе на обед оладушки испеку. А ты, – хитренько посмотрела на меня хозяйка, – может, пока дровишек поколешь? Мне тут с лесопилки цурбаки привезли, будут поколоты, так и славно, в поленницу сложим, так и пушай себе сохнут. Тока переобуться не забудь. Портянки я тебе чистые дам, высохли.

Портянки, к счастью, я наматывать не разучился (спасибо сержанту Касьяненко, замком-взвода, обучавшего салабонов нелегкой науке ратной службы!), ноги вошли удобно, а сапоги оказались не кирзовыми, а кожаными. Впрочем, не уверен, что кирза в 1918 году вообще была изобретена, а из какой кожи сшита моя обувь, я тоже не понял.

Дровишки я поколол, да их не так и много было. Странно, последний раз я занимался этим делом давным-давно, но до сих пор не забыл, что при ударе следует бить не под прямым углом, а чуть наискосок.

Сложив небольшую поленницу и, ощутив легкую, но приятную усталость, пошёл в дом, где тётюшка уже возилась с тестом.

– Вон, яйца надобно изводить. Сватья из деревни сотню штук притащила, испортятся, если не съесть, картошка есть, а вот с мукой худо, – сообщила тётка.

– А что вдруг так щедро – целую сотню? – удивился я.

– Так ты же сам яйца просил. Цто, уже и это не помнишь? Тебе в прошлом месяце бутылъ постного масла в паёк выдали, а у нас ещё с прошлого года бочка стоит. Куда нам столько? Прогоркнет. Вот я сватъе масло, а она мне яйца.

Пока тётушка хлопотала, я пошёл в свою комнатку, чтобы как следует проверить – нет ли среди вещей «хозяина тела» что-то такого, что позволит мне чувствовать себя увереннее. На столе, кроме газет и бумаг (их надо тоже внимательно осмотреть), ничего интересного не было. Разве что чернильница-непроливашка, перьевая ручка да пара обгрызенных карандашей. А ведь у парня должны быть документы. Военный билет, или солдатская книжка, что там ещё? Если так, то должно быть и хранилище!

Как я и думал, под кроватью отыскался деревянный сундучок. Небольшой, как раз для холостяка... или для солдата. Точно такой был у прадеда моей жены. Со слов бабушки Мани (это дочка владельца сундука и, соответственно, бабка моей супруги), её отец был участником русско-японской войны.

Хм, так он ещё и с замком. Внучатый племянник не доверяет тётушке?

Ключ недалеко – в кармане моих же штанов. Почувствовав себя Джимом Хокинсом, открывавшим сундук Билли Бонса, повернул ключ. Что ж, посмотрим, что у нас там.

А у нас там было: новенькая гимнастерка, черные штаны (гражданские!), пара теплых носков, кисет с табаком. Сам-то я бросил курить давненько, а вот «хозяин тела»? Нет, если бы Вовка курил, я бы уже заметил. Запах табака чувствую сразу! Ну, не могло такого быть, чтобы он не курил в своей комнатушке. А кисет с табаком мог лежать просто для моли. Ну, для отпугивания моли. В конце концов, можно обменять на что-нибудь полезное. Предложить, что ли, тётушке, чтобы обменяла на сахар? Ладно, пусть лежит. Дальше обнаружился бумажник, в котором лежало четыре маленькие бумажки, именовавшиеся, как я помнил, «керенками». Кажется, их печатали размером в газетный лист, а потом расстригали на кусочки. Одна достоинством в двадцать, а три по сорок рублей. Интересно, а они сейчас в ходу? И вообще, «военный коммунизм» уже объявлен или ещё нет? Тётушка что-то там говорила о пайке, что я получал. М-да, печально, когда под рукой нет ни справочника, ни хотя бы Википедии (источник не шибко надежный, но самый востребованный). Ладно, на месте и разберусь.

А вот и документы. В первую очередь меня интересовала книжечка, напоминавшая военный билет, только потолще, страниц так сто. Обложка не дерматиновая, картонная, зато на ней типографским способом отпечатано «Записная книжка 434 Череповецкого пехотного полка», ниже от руки вписано «*Аксенов Влад*, роты 1, взвода 1». Ниже опять-таки типографским способом: «Книжку эту нижний чин должен постоянно хранить у себя». Ещё что-то о денежных суммах.

Открыв Записную книжку, обнаружил, что меня зовут Аксеновым Владимиром Ивановичем, на службе я состоял с 1916 года, на правах вольноопределяющегося, сословие – крестьянин, родом я из деревни Аксеново Череповецкого уезда Новгородской губернии, православного вероисповедания, грамотен. В графе мастерство вписано, что я «оконч. полн. курс Череповецкой учительской семинарии». В графе ранение стоит «1». Но что за ранение, когда получено, не указано. Порадовал раздел «награды», где было вписано – медаль «За храбрость 4 ст.»

В Записной книжке содержалась масса сведений, необходимых солдату: денежные оклады и штрафы, за что полагается тюрьма, а за что арестантские роты, текст присяги и выдержки из «Науки побеждать», образцы строевых и ружейных приемов и родословная императора Николая Александровича. Вот она-то на кой нужна? Для себя я больше полезных сведений не отыскал. Ну, разве что в разделе «Вооружение и снаряжение» была вписана винтовка «Арисаки». Хм, а это ещё что за зверь? Почему русскому солдату выдают, судя по названию, японское оружие? У нас что, «мосинок» не хватало?

Было немного обидно, что Владимир не дослужился до прапорщика. Как помню – «вольноопределяющиеся» имели право сдавать экзамен на офицерский чин, прослужив какое-то время. Ну, мало ли что бывает. Читал биографию Николая Гумилева, ушедшего на фронт вольноопределяющимся, заработавшего два солдатских «егория» и Станислава, но не сдавшего экзамен по болезни. Может, у меня нечто подобное? Пришла пора экзамена, а тут – бац, наступление, лазарет. А может, оно и к лучшему, что Владимир не стал «золотопогонником»? Никому теперь объяснять ничего не надо.

Отложив Записную книжку, достал сложенный вчетверо лист бумаги. Это была справка, выданная лазаретом 109-ой стрелковой дивизии в том, что «вольноопределяющийся Аксенов Владимир девятнадцати лет от роду, выписан по излечению и направлен по месту жительства». Подпись начальника неразборчива, печать смазана. Дата – пятое ноября одна тысяча семнадцатого года.

Так это что – мне на сегодняшний день всего двадцать лет? Ну ни хрена себе! А ведь судя по отражению в зеркальце, я выглядел старше. Хотя сколько лет было нашим ребятам, бравшим Берлин? Мой родной дядька, например, был двадцать шестого года рождения.

В сундучке были ещё какие-то сверточки. В шелковый платок была завернута серебряная медаль: на георгиевской ленте, с ликом последнего императора и надписью «За храбрость» на обороте.

Эх, бедный Вовка! Наверняка, лёжа в госпитале, представлял себе, как пройдет по родной деревне или по городу Череповцу с серебряной медалью на груди! Идет он такой красивый, а все девки в штабеля укладываются! А теперь вот, медальку с ликом императора и носить зазорно, не поймут. Ладно, если не расстреляют. Кажется, в годы Великой Отечественной разрешили носить награды старой армии, но до этого времени ещё ого-го.

Впрочем, а стал бы настоящий фронтовик носить награду? Вспоминается всё тот же дядя Володя, ни разу в жизни не надевавший своих медалей. Мои старшие братья признались как-то, что они в детстве играли медалями дядюшки, а куда они делись после игр, не помнили.

Ещё сверточек. Тяжелый. Хм. А вот это откуда у нижнего чина, хоть он и вольноопределяющийся? «Браунинг М1900»! Хорошенький такой, компактный, умещается на ладони. И ещё две обоймы к нему. Интересно, как в восемнадцатом году с патронами калибра 7,65? У «нагана», сколько я помнил, 7,62, у «товарища Маузера» 7,63. Может, подойдут? Впрочем, нет. Ладно, пусть полежит. Зато понятно, почему Владимир запирает сундучок на замок. Тётушка может сунуть любопытный нос, а тут ствол. Так, вроде бы в сундучке больше нет ничего интересного. Впрочем, стоп-стоп-стоп. Помнится, в прадедушкином сундучке в днище был тайничок. Там-то он был уже пустым, а здесь?

Я осторожно сдвинул небольшую панельку, высвобождая нишу, выдолбленную в дощечке. И кто молодец? Я молодец! И Вовка тоже парень не промах. В тайничке обнаружился золотой червонец. Не сказать, что большое богатство, но в моё время за такой червончик просят тысяч пятьдесят российских рублей. А в восемнадцатом году двадцатого века? Сколько-то он стоит, это точно. Ну, пусть монетка отправляется обратно, где и лежит на «черный день».

Теперь осталось пересмотреть бумаги, которые я с утра расправил и сложил в стопку. Увы и ах. Я рассчитывал, что там будут черновые наброски статей, очерков, каких-нибудь корреспонденций, благодаря которым смог бы получить представление о литературном стиле моего э-э... «хозяина», о том, на чём он специализировался. Но здесь было иное. На листах (кстати, использовалась оборотная сторона отчетов магазина фирмы «Зингер») были стихи. Перебрал все бумаги, повздыхал. Впрочем, судите сами.

Моя душа упорно ввысь стремится,
Она похожа на перо жар-птицы!
Моя душа вокруг всё выжигает,

Но счастья почему-то не поймает.

Или, вот ещё такой перл.

А если ты ко мне придёшь,
То поцелуешь и уйдёшь!

Я сам писал нечто подобное лет в четырнадцать, но быстро понял, что стихосложение – это не моё. Писать такое – только бумагу изводить. Хотя, если послушать песни на современной эстраде, тоже может сложиться впечатление, что авторы слов – это подростки. И ничего, все слушают.

Значит, можно подвести некоторые итоги. Итак, меня зовут Владимиром Ивановичем Аксеновым, мне двадцать лет, рабоче-крестьянского происхождения (хотя тогда ещё говорили, что крестьянского), фронтовик, имею ранение. Ещё я закончил учительскую семинарию. Это, как помнится, что-то вроде современного педагогического колледжа. Стало быть, мой Вовка должен работать в начальной школе, учить детей разумному и светлому. Сам-то я в своё время, закончив педагогический институт, благополучно избежал этой каторги, а тут опять. Ну, было бы хуже, если бы я попал в тело плотника или типографского рабочего. Чем бы отмазывался? А так кое-что вспомню.

Теперь о проблемах. Надо будет «вспоминать» всех друзей и знакомых. Вполне возможно, что встречу и соученика по семинарии, или даже сослуживца. И на контузию надо «валить» осторожно. С одной стороны – какой спрос с контуженного, а с другой – кто его станет принимать всерьёз? Но опять-таки всё к лучшему. Моя задача – сидеть тихонечко, не высываться, сохраняя свою драгоценную шкурку для вызволения моего сознания и переправки обратно, в тело пятидесятилетнего подполковника, живущего через сто лет. А шкурку лучше сохранять в тишине и покое, не вылезая наверх.

Глава 3

Провинциальная редакция

С утра тётушка причитала, что я отправляюсь на службу в такую рань. Мол, до редакции и идти-то минут пять, если не торопиться. Дескать – чего бы тебе дома не посидеть, чайку не попить. Ну, там попутно ещё дверь починить, засов заедать стало. Засов я отремонтировал за две минуты, применив смекалку и полено вместо молотка (инструменты где-то должны быть, но искать было лень), а потом отправился на новое (или старое, как посмотреть) место службы.

Собственно говоря, я и вышел пораньше, чтобы неспешно обозреть окрестности, наметить пути отхода, если чего. Шучу. Просто хотелось самостоятельно отыскать редакцию, чтобы не выглядеть в глазах тётушки совсем глупо. Но всё-таки я порасспросил тётушку о своих сослуживцах. Ведь делился же я впечатлениями, разве нет? Кое о ком тётка рассказала, мало, но и на том спасибо.

В Череповце мне приходилось бывать несколько раз, по долгу службы. Ну ещё бы! Такого количества промышленных предприятий на душу населения нет нигде, а моей конторе требовалось держать руку на пульсе. Правда, командировки были формальными, так как тутошние коллеги сами прекрасно справлялись, благополучно отлавливая и вражеских агентов, и террористов, и доморощенных придурков, пытавшихся по глупости или по злему умыслу причинить ущерб государству. Вообще, Череповец – самый обычный российский город, где есть паратройка кусочков исторического прошлого, а всё остальное застроено современными домами. Всё-таки Череповец это вам не Владимир, не Вологда и не Великий Новгород.

– Володь, ты как? Как здоровье?

Меня окрикнул высокий худошавый паренёк в круглых очках. Одет он был в старое пальто, чем отличался от меня, щеголявшего в шинели со споротыми погонами. «Длинный и тощий – это Димка». Фамилию тётушка не знала, но это сейчас и неважно.

Не хочу останавливаться на подробностях своего «внедрения» в редакцию газеты «Известия Череповецкого уездного Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» – это не слишком-то интересно, да и времени займет слишком много. Поначалу было трудно, а потом ничего, втянулся. И народ в редакции подобрался доброжелательный.

Редакция была не очень-то многочисленной, всего четыре корреспондента. Кроме меня и уже упомянутого Димы, носившего, кстати, фамилию Папин, трудился ещё и Боря Розов, совмещавший должность литературного обработчика всех поступающих писем. Нам троим было по двадцать лет, а вот четвертый, Павел Николаевич, был значительно старше. Мальчишки (это я про Димку с Борькой) иногда именовали его отцом Павлом, не в силу его возраста (а ему было под шестьдесят!), а потому что ещё недавно Павел Николаевич был священником, служившим где-то на Малой Вишере. Уж отчего батюшка порвал с церковью, никто не спрашивал, но основной темой его статей и фельетонов была именно церковь! Уж в чём он только не упрекал священников – в разврате и пристрастии к вину, в мошенничестве и вымогательстве. Пожалуй, для полной картины не хватало педофилии и содомии, но до такого он не додумался.

Была у нас ещё и машинистка, а заодно и корректор по имени Зина – костлявая девица, отличавшаяся вздорным характером. Меня, например, она обвиняла в том, что я нарочно пишу как курица лапой, чтобы затруднить ей работу, а ведь ещё недавно писал как приличный человек! Ну как объяснить девушке, что мой почерк далек от совершенства и что за последние двадцать лет я мало что написал вручную? Спрашивается, зачем нужен комп, если не для печатания? Увы, комп остался далеко-далеко, а здесь была лишь перьевая ручка, которую я последний раз видел в году так восемьдесят девятом на почте.

Ну, а главной у нас была Наталья Андреевна, «старый большевик» тридцати шести лет от роду. Наверное, «тому» Володе Аксенову женщина, вступившая в ряды партии большевиков в тот год, когда ему было пять лет от роду, могла показаться старой. Скорее всего, она ему действительно ею казалась. Но «этому» Владимиру, который за «молодым фасадом» скрывал «полтинник», Наталья Андреевна казалось молодой, если не юной красавицей.

Она мне понравилась сразу, как только вошла в кабинет после моего возвращения с «больничного». И её голос, и её манера держаться. И даже нелепый пиджак, перелицованный, видимо, из военного кителя. Там, в двадцать первом веке, мне и в голову не пришло бы, что я могу влюбиться в девчонку. Да там у меня жена, с которой мы прожили почти тридцать лет. Верно, молодое тело влияет на мозги и на сознание, помещенное в эту черепушку из далекого будущего.

Сейчас я как раз заканчивал большую статью. Из-за того, что Зинаида опять объявила забастовку, требуя от меня невозможного – писать разборчиво, пришлось выгнать девушку из-за пишущей машинки и отпечатать текст самому.

«В воскресенье перед местным населением города Череповца были продемонстрированы военные силы, созданные Военным отделом исполнительного комитета. Немало было положено им труда на это создание, ещё больше труда предстоит положить, но это наш первый шаг на пути к участию в создании Красной пролетарской армии.

Стройными рядами прошли защитники пролетарской диктатуры перед глазами обывателей; бодростью веяло от молодых и храбрых орлов, спаянных добровольным стремлением защищать завоевания Октябрьской революции, даже ценой собственной жизни.

Не слышно было наглых окриков и свирепых взглядов офицерства, а спокойно выполнялась товарищеская команда инструкторов.

Рабочая часть населения наблюдала за этим парадом с чувством глубокого удовлетворения, остальные сохраняли угрюмую настороженность. Под ярким солнцем теряло свою мрачность даже черное знамя анархистов, а наше красное знамя излучало надежду на скорую победу над буржуазией.

В параде принимал участие Череповецкий Советский пехотный полк в количестве трехсот человек, отряд интернационалистов, состоящий из бывших военнопленных австрийской армии в количестве двадцати человек, и отряд анархистов-коммунистов в количестве пятнадцати человек.

Шествие замыкал кавалерийский эскадрон из шестнадцати человек.

И это только первая капля в будущем море пролетарской Красной армии!

Сообщаем также, что добровольные пожертвования на нужды Красной армии можно внести по адресу нашей редакции, расположенной по Воскресенскому проспекту, в доме б. купца Силина»¹.

– А я и не знала, что вы умеете печатать на машинке, – услышал я удивленный голос нашего редактора.

– Да я и не умею, – смущенно отозвался я, заслушавшись чудесным голосом. – Взялся напечатать, а не то Зинаида ругается. А на машинке я так, забавлялся, когда в госпитале лежал.

– Хм, – хмыкнула редактор. – У вас же левая рука поранена, как вы смогли двумя руками печатать? И кто же вам разрешил машинку портить?

Вот ведь, не редактор, а детектив в юбке!

– Так всё просто, – ответил я, лихорадочно соображая, как бы половчее соврать. – В лазарете была списанная машинка, в неё однажды осколок попал, так врач мне велел на ней правой рукой долбить, а левую постепенно приучать, чтобы руку разрабатывать.

¹ В качестве образца выбрана статья из г. «Известия Череповецкого уездного Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» от 3 апреля 1918 г.

– Вот оно как! – покачала головой Наталья Андреевна, потом добавила: – Мудрый вам врач попался. – Улыбнувшись светлой улыбкой, сказала: – Что ж, зато теперь у нас будет ещё одна машинистка.

– Машинистка! – фыркнул я. – Несolidно как-то звучит. Пусть уж лучше – секретарь-машинист.

– Ну, дело не в термине, а в сути. Дайте-ка ваш материал, – протянула Наталья Андреевна руку.

Прочитав мой очерк, редактор с удивлением покачала головой.

– Товарищ Владимир, а вы делаете успехи. Вашу корреспонденцию я сейчас же отправлю в набор, здесь даже править не нужно. Поразительно!

Посмотрев на своих коллег, убедившись, что они заняты, я тихонько сказал:

– А это я из-за вас, Наталья Андреевна.

– Что из-за меня? – не поняла начальница.

– Ну, старался из-за вас, чтобы вы на меня не сердились и не ругались.

– Так я, кажется, ещё ни разу на вас и не сердилась, тем более ни разу вас не ругала, – удивилась начальница.

– Так я заранее, так сказать, чтобы предотвратить ваш гнев и недовольство, – вздохнул я, делая скорбный вид.

– Ну, если заслужите, то я вас отругаю, – пообещала начальница. Слегка прищурившись, пригрозила: – А будете паясничать, так я вообще вас уволю.

– Вот видите, – позволил я себе легкую улыбку, – Я ещё ничего не успел натворить, а вы меня же увольнять решили.

Редактор лишь махнула рукой и, прихватив мой опус, ушла.

После её ухода я начал размышлять – а не лучше ли мне уволиться прямо сейчас, не дожидаясь, чтобы меня и на самом-то деле уволили? А ведь она может! Если уволюсь, то куда я подамся? Работать я не умею, да и с работой в восемнадцатом году плохо, как я помню. Ну, если только записаться добровольцем в Красную Армию. Вариант, кстати. Тем более что меня туда рано или поздно заберут. Кажется, Алексеев с Корниловым уже создают Белую армию и где-то в это время идет Ледяной поход.

Так в сегодняшней «Правде» есть упоминание, что нынче наркомом по военным и морским делам (наркомвоенмор!) является Подвойский. Но, как я помнил, его сменит Лев Давидович Троцкий, который начнет бороться с партизанщиной в РККА, а там ещё и мятеж чехословаков подоспеет.

Историю гражданской войны я помнил смутно, но кое-что ещё не успел забыть. Ну, скажем то, что официально война начнется именно с мятежа «белочехов», а это случится в конце мая или в начале лета. Чехи начнут сметать Советскую власть, изо всех щелей ползут различные правительства, потом их попытается объединить адмирал Колчак, а там и высадка англичан в Архангельске. Словом – Советская Россия запылает со всех сторон, словно лесной пожар. Ну, а как этот пожар тушить, если нет самолетов МЧС? Либо выходить всем миром, с лопатами и топорами, либо разводить встречный пожар. Тут уж я пока не берусь судить – вышли мы всем миром или устроили пожар. Но летом сего года начнут создавать регулярную Красную Армию со строгой иерархией и с принудительной мобилизацией. Пожалуй, как принесут повестку, так и пойду. Не в моих правилах идти добровольцем, но и отказываться тоже не стану. Впрочем, в этой реальности я (ну, мой «хозяин тела», теперь без разницы, кто именно) добровольцем уже был, так что можно и подождать.

Мои размышления прервал очередной приход начальницы.

– Владимир, а для вас есть новое задание, – сообщила Наталья Андреевна.

Меня слегка удивило обращение по имени, без привычного добавления «товарищ», и я чуть было не ляпнул – мол, слушаю и повинуюсь, но вовремя прикусил язык, ограничившись кивком.

– Вам придется пойти со мной на заседание партийной ячейки, – сказала редактор, а потом зачем-то решила уточнить: – Я имею в виду, на заседание ячейки партии большевиков. Вы сделаете отчет о собрании.

Ну, можно подумать, я решил бы, что нам надо идти на заседание другой партии. Тем более я как-то до сих пор не осознал, что в восемнадцатом году в России совершенно свободно действуют и меньшевики, и эсеры, не говоря уже об анархистах. Интересно, а кадеты с «октябристами» ещё есть? Пожалуй, этих партий уже нет, а если кто и остался, так засели в самые глубокие щели. (Ишь ты, сказал в рифму!).

Наталья Андреевна, как я уже знал, была в составе бюро Череповецкой ячейки, объединявшей около пятидесяти человек. Немало. Как редактор Наталья Андреевна могла бы и сама сделать отчет о собрании, но как член бюро она опасалась собственной субъективности.

Идти нам было недалеко – только перейти улицу, но по дороге редактор успела сообщить, что сегодня будет рассматриваться дело о приеме в партию товарища Башмакова.

За небольшой срок своего пребывания, я уже успел узнать о Башмакове достаточно много. Да что там, он был в Череповце легендарной личностью. Чего стоит его биография! Родился в Уломе, в семье потомственных кузнецов. В 1904 году в пятнадцать лет был принят на Путиловский завод, а уже через год стал токарем высшего разряда. В девятьсот пятом участвовал в революции, в девятьсот шестом получил шесть месяцев тюремного заключения в Петропавловской крепости. Отсидев срок, перешел на нелегальное положение. Бежал из России в Швецию, но оттуда был депортирован, а потом отправлен под гласный надзор полиции на родину. С четырнадцатого года на фронте. В семнадцатом по возвращении домой организовал волостной земельный комитет, который отобрал землю у местного помещика Яковлева и поделил её по числу едоков. Помимо помещика Андрей отобрал землю и всё имущество у своего собственного дяди – уломского купца Фомы Башмакова, а всё изъятые раздал соседям.

Изъятие чужого добра так понравилось мужикам, что они создали боевую дружину во главе с Андреем и принялись отбирать хлеб у остальных зажиточных людей округа. Действия боевой дружины в Уломе вызвали настоящую цепную реакцию по всему уезду – почти по всем волостям прокатилась волна изъятий хлебных излишков, передел земли в пользу нуждающихся.

В октябре семнадцатого Башмаков отправился в Питер, побывал в Смольном, привёз оттуда листовки и принялся создавать красногвардейский отряд. А после Октябрьского переворота в столице именно Башмаков организывает Военно-революционный комитет, свержает в Череповце комиссара Временного правительства, а потом арестовывает гласных Городской думы. И что интересно, Андрей Башмаков, создавая различные органы, никогда не получал в них руководящих постов. Похоже, что он не заморачивался карьерными соображениями, а его привлекал сам революционный процесс!

Однако после организации исполнительных органов власти – исполкома, который возглавил Иван Васильевич Тимохин, Андрей получил пост комиссара по внутренним делам. Предполагалось, что комиссар начнет заниматься борьбой с преступностью, пресечением беспорядков и начнёт-таки создавать рабоче-крестьянскую милицию, как это уже начали делать в столице, но он предпочитал творить иные дела. Не так давно Башмаков собрал в театре самых богатых людей города и потребовал от них три миллиона рублей чрезвычайного налога, а когда те стали возмущаться, приказал выкатить на сцену пулемет. Надо сказать, что к вечеру три миллиона уже были в кассе исполкома.

Тимохин Иван Васильевич, первый председатель губисполкома Череповецкой губернии

Внешность у Андрея Афанасьевича была очень колоритная – высокого роста, с длинными черными волосами, спадающими на плечи. Я ни разу не видел его ни в шапке, ни в фуражке, а ходил он в распахнутой долгополой шинели, под которой был мундирчик, наподобие студенческого.

Мне было бы легче представить Башмакова в отряде батьки Махно или среди партизан команданте Че Гевары, нежели в составе Российской социал-демократической рабочей партии большевиков.

На заседании развернулись бурные прения. Кое-кто (а в их числе была и моя редактор!) были категорически против вступления Башмакова в ряды РСДРП (б). Ему припомнили и его партизанщину, и самоуправство, и всё прочее. Казалось, что живую легенду не сочтут достойным быть членом самой пролетарской партии.

Перед тем, как началось голосование, Андрей Башмаков попросил слова. А когда ему его предоставили, он вышел вперёд, повернулся лицом к залу и начал мрачно читать стихи:

В смирении молился я:
– О господи, спаси меня!
Вдруг слышу голос с небеси:
– Меня ты лучше не проси!
Коль хошь спастись, спасайся сам.
И зря не прись ты к небесам!
Вы там наделали святых,
Ну так и требуйте от них.
А я не выжил из ума,
Чтоб нос совать в ваши дела!

Хотя сами стихи были не слишком интересными, но в его голосе было что-то завораживающее. Зал слушал молча, а когда Андрей Башмаков закончил и, словно ведущий актер столичного театра, небрежно поклонился публике, все зааплодировали. Стоит ли говорить, что когда приступили к голосованию, почти все проголосовали «за»?

Глава 4

Портрет гимназистки

Я лежал и любовался на спящую Наталью. Да, так уж оно получилось. Скорее всего, я бы не сделал попытки к сближению, но вчера, когда мы возвращались с собрания, а я пошёл провожать редактора, нас остановили два мрачноватых субъекта. Нет, их не интересовали наши карманы, они не просили закурить. Они конкретно спросили – а почему ты, тля газетная, была против вступления в партию нашего дорогого комиссара Башмакова? Один даже попытался ударить Наталью Андреевну. Солдатика, стоявшего рядом с женщиной, они вообще в расчет не приняли. А зря. Всё-таки я хотя и был в последние годы на кабинетной работе, но кое-что помнил, а что-то было намертво вбито не только на спортивных матах.

Когда мы уходили, оставив на грязной весенней улице два тела (одно лежало тихонько, второе поскуливало), Наталью Андреевну начала бить нервная дрожь, а потом она забеспокоилась – как там моя рука? Не разошлась ли рана? И, несмотря на мои слабые уверения, что всё в порядке, когда мы дошли до её квартиры, она решила произвести осмотр. Ну, а дальше – легкие прикосновения, поцелуй, нерешительная попытка вырваться из объятий.

Похоже, моя женщина начала просыпаться. Вот, высунулась из-под одеяла.

– Не смотри на меня.

– Проснулось, спящее создание? – улыбнулся я, наклоняясь к женщине.

Наталья попыталась натянуть одеяло на себя.

– Господи! Что я наделала?! Ведь я же тебе в матери гожусь!

– Как говорят французы – нельзя считать количество выпитых бокалов, возраст женщины и количество её любовников, – хмыкнул я, целуя Наталью.

Точно ли французы так говорят – неизвестно, но возразить против такого сложно.

Спустя какое-то время Наталья Андреевна, умытая и причесавшаяся, устанавливая на спиртовку крошечный чайник, сказала:

– А любовников у меня не было. Муж был, да. А если считать тюремного – то целых два. Знаешь, что такое «тюремный муж»?

– Тот, к кому приходит на свидание женщина – ну, якобы жена, или невеста, хотя на самом деле она товарищ по партии.

– Ага, – кивнула моя начальница, пытавшаяся что-то отыскать на полках кухонного шкафчика. Вздохнула: – Хлеб у меня ещё вчера кончился, а что-то варить нет времени. Ладно, придется неприкосновенный запас открыть.

«НЗ» главного редактора и члена бюро городской ячейки РСДРП (б) состояло из мешка с черными сухарями – полкилограмма, не больше (ну, применительно к нынешним реалиям – с фунт!). Высыпая сухари в миску, Наталья сказала:

– Да, касательно «тюремного» мужа. В моём случае, сидела я, а товарищ по партии изображал законного мужа.

– Бедняжка, – обнял я женщину и прижал её к груди.

– Володь, ты чего? – удивленно отстранилась Наталья. – Я и в тюрьме посидела всего два месяца, кормили там хорошо, можно было книги читать. Вот когда после тюрьмы в ссылку отправили – это уже в девятьсот седьмом было, там было хуже. Сибирь, комары, грязь... фу. Хорошо, что мы с Андреем как раз поженились. А молодоженам многое кажется простым.

– А где он теперь? – насупился я.

– Кто, мой муж? – не поняла Наталья. – А зачем он тебе?

Потом до нее стало что-то доходить. Подойдя ко мне, взъерошила мои волосы и вздохнула:

– Вовка, мой муж уже давным-давно живет с другой женщиной. После ссылки он решил, что революция – это не по нему. А ты что, собираешься делать мне предложение?

– Почему бы нет? Что тебя смущает – мой возраст, моё положение? Возраст – мелочи, а положение...

– Дурак ты, Вовка, – вздохнула женщина, а в уголках её глаз блеснули слезы. – Мы не знаем, будем ли живы через месяц или через год, какая тут свадьба? Давай-ка лучше чай пить, да на службу пойдем.

Размачивая сухарик в чае, Наталья вдруг сказала:

– Знаешь, а когда-то я была даже моложе тебя – самой не верится, и с меня писал портрет один художник. Тебе, наверное, его имя ничего не скажет. Валентин Серов.

Я посмотрел на Наталью, и во мне словно что-то щелкнуло! А ведь я понял, кто сидит передо мной!

– Ну, мы люди темные, – насмешливо проговорил я. – Нам бы чего попроще – Репина там, Сурикова. А уж ни о Коровине, ни о Серова и слыхом не слыхивали. Ни о «Девочке с персиками», ни о «Портрете гимназистки».

От изумления Наталья Андреевна уронила сухарик в чай.

– Откуда ты узнал? Ну, портрет Верочки ты ещё мог увидеть, но мой?

– Не пугайся. Всего-навсего листал журналы «Мир искусства», где были репродукции картин Серова. Там ты и была. А я-то голову ломал – почему мне лицо знакомо?

– Да уж... Там мне было шестнадцать лет, а теперь уже тридцать шесть. Подожди-ка... А разве «Портрет гимназистки» печатали в «Мире искусства»? И что там ещё было?

– Ну, «Девочка с персиками» – из собрания Третьякова, а про твой портрет, что он из собрания графа Комаровского, вот и всё.

– Ну, тогда ладно, – слегка успокоилась Наталья. – Только ты о своем открытии никому не говори, хорошо?

Я лишь кивнул. Ну, кому я стану рассказывать, что моя супруга искусствовед и я, глядя на жену, увлекся живописью и познакомился с творчеством многих художников, а также с историей написания портретов. Зачем кому-то знать, что «Портрет гимназистки» Валентин Серов написал с юной Наташи, дочери графа Комаровского? А через несколько лет девушка порвет с семьей и «уйдет в революцию», переживет гражданскую войну, репрессии тридцатых, погибнет в блокадном Ленинграде и её похоронят в одной из братских могил Пискаревского кладбища.

Наталья принялась расспрашивать, где я мог видеть «Мир искусства»? И вообще, выходил ли этот журнал в девятьсот третьем году?

Я уже решил всё свалить на госпиталь (а что, очень удобно!), но от допроса с пристрастием меня спас стук в дверь.

– Товарищ Наталья! – крикнул кто-то с улицы. – Я курьер из исполкома. На воинских складах буза, Тимохин ячейку собирает!

Кажется, всё население Череповца в ту пору составляло не больше пятнадцати тысяч человек. Но, судя по толпе, сюда явился весь город. Крепкие мужчины и тщедушные старики, подростки и совсем ещё дети, старики и девчонки, люди в шинелях, полушубках, в капорах и ватных куртках. Мелькнул даже некто в рясе, напоминавший не то монаха, не то священника. Вон старуха с клюкой пытается оттолкнуть свою ровесницу, с которой, вполне возможно, ещё недавно калякала о погоде или распивала чай; толстый мужик в испачканной мелом телогрейке от всей дури бьет в ухо девицу, попавшуюся ему под руку, а когда та падает, то равнодушно переступает через её тело и, не слушая воплей пострадавшей, прет вперёд, выставив пузо, словно таран.

Двери склада, предназначенные для въезда конной повозки, уже выломаны, но они тесны для постоянно прибывающих людей, стремящихся попасть внутрь. Орет какой-то старик в дра-

ной шапке, припертый к дверному проему и уже слышащий, как трещат и ломаются его собственные ребра, но вот его уже никто не слышит, потому что толпа лезет и лезет, а задние напирают на передних, стремясь попасть туда, где лежат вожаемые мешки и бочонки, ящики и коробки.

Но, похоже, что весь город умудрился-таки втиснуться в небольшое двухэтажное здание, а теперь каждый стремится захватить побольше и получше, но все друг друга отталкивают и вырывают из рук вожаемое добро.

В суматохе разбиваются двухведерные бутылки со спиртом, разлетаясь по сторонам, как осколки от перегревшейся лампочки, впиваясь в тела; дубовые бочки, заполненные постным маслом, разламываются на щепки, а мешки с мукой разрываются, словно мокрая бумага.

Кое-кто, уже не рассчитывая поживиться чем-то весомым, пытается собрать с грязного пола и сунуть за пазуху вяленую воблю, пропитавшуюся и керосином, и спиртом, вывалившуюся в грязной муке.

Я стоял рядом с группой красногвардейцев, прибежавших, как только стало известно о погроме. Вот если бы о намерениях толпы стало известно хотя бы на час пораньше, то можно было бы предотвратить грабеж. Двадцать парней с винтовками – немного против разъяренной толпы, но можно было хотя бы попытаться остановить – выстроиться реденькой цепью, начать стрелять поверх голов, а коли толпа не уgomонится, так можно пальнуть и в неё. Неделю назад подобным образом удалось остановить погром на винном складе купца Горбаненкова – хватило десятка выстрелов, чтобы народ утихомирился, а потом начал разбегаться. Но тут уже поздно.

– Мать твою деда за ногу! – громко выругался Сашка Павлов, командир отряда, с тоской наблюдавший за погромом. Повернувшись ко мне, злобно бросил: – Ну вот, какая тля распорядилась так далеко от города склады ставить? Ну, не успеваем мы.

Сашку понять можно. В его отряде пятьдесят человек. Вначале было с сотню, но половину пришлось отправлять в Петроград, а оставшихся едва хватало, чтобы латать дыры не только в Череповце, но и в соседних уездах. С неделю назад половину отряда отправили в Устюжну, где местные жители свергли Советы, вернули земство и Городскую думу. Вроде власть трудящихся восстановили, но люди пока что не успели вернуться. Ещё десять бойцов ушли на лесопильную фабрику купца Судакова – недавно оттуда прибежали рабочие и сообщили, что бывший хозяин, несмотря на имевшийся акт о национализации, продает фабрику какому-то хмырю аж из Тотьмы, а тот, что удивительно, уже и деньги заплатил и начал устанавливать собственные порядки! Он чего это, не знает, что в стране происходит?

Склад, который на наших глазах грабили несознательные граждане, только недавно перешёл в распоряжение исполкома, а до этого числился по военному ведомству. Предисполкома Тимохин собирался, как это положено, создать учетную комиссию, переписать всё имущество и продукты, оставленные военными – по скромным прикидкам там было не меньше трёх тысяч пудов муки, с тысячу пудов крупы – хороший подарок городу и уезду, но не успел. И, что интересно – кто теперь станет разбираться, грабёж был заранее организован или это результат стихийного действия толпы? Вот я, например, не верил, что толпа возникла сама по себе. Кто-то знал, что существует бесхозный склад, где можно поживиться. Вопрос лишь в том, кто это был и для чего это нужно? Если бы речь шла о наживе, то куда проще было бы подъехать ночью, имея с десятков-другой подвод, тихонько снять сторожа (армейской охраны уже нет), да и вывезти всё содержимое в спокойное место.

– Нет, Володь, ну ты сам подумай – сколько можно терпеть этот бардак? – снова обратился ко мне Сашка. – Узнаю, что на складе грабёж творится, иду в народный комиссариат, а мне говорят – ждите приказа товарища Башмакова, а он в уезд отъехал, по делам. Дескать, в Абаканове мужики неправильно землю поделили, он и отправился разбираться. Мол, без приказа не лезь, инициативы не проявляй. Нет, я всё понимаю – землю делить это важно и

нужно, но он же должен в Череповце быть! Надо, чтобы все было четко и понятно – кто за что отвечает, кто имеет право приказы отдавать, а кто – нет. А иначе – никакая власть не выстоит!

Сашка Павлов в империалистическую служил в артиллерии форта «Обруч». И хотя поводить он не успел, но усвоил, что во всём должен быть порядок. Его бесило, что у него теперь несколько начальников. С одной стороны, отряды красной гвардии должны подчиняться Советам и их постоянно действующим органам – исполкомам. Но нынешний комиссар внутренних дел Башмаков говорит, что раз использование вооруженной силы относится к внутренним делам, то он единственный, кто может отдавать приказы и требует, чтобы красногвардейцы игнорировали распоряжения председателя исполкома Тимохина. А тут ещё новая напасть – скоро Череповец из уездного города превратится в губернский центр. Значит, не только ответственности прибавится, но и начальства.

– Слышал, что у нас «чрезвычайку» создают? – поинтересовался Сашка.

– Слышал, – кивнул я.

Точной даты создания ЧК в Череповце я не знал, но помнил, что органы ВЧК на местах создавались в марте-апреле. Ну, у нас уже конец марта, значит, скоро.

– Вот, будет у нас своя чрезвычайная комиссия, будет кому разбираться – вот это вот, – кивнул командир на склад, – контрреволюция или простая глупость.

Тут я был полностью согласен. Надо разбираться, что к чему. Буквально на днях около Народного дома, где шло заседание уездного Совета, кто-то бросил гранату. И, как на грех, на крыльце в это время курили депутаты. Двое погибли, трое ранены. Вот что это было – вылазка контрреволюционеров или пьяная «шалость»? И никто ничего не видел.

А Павлов, словно подслушав мои мысли, спросил:

– Это не ты в «Известиях» писал, когда гранату рванули – мол, темные личности, провокаторы и все те, которые с воцарением рабоче-крестьянской власти потеряли свои привилегии, все они в озлоблении к Советской власти стали направлять самую несознательную часть против Совета?

– Ишь ты, запомнил, – усмехнулся я. Заметка действительно была моя.

– Ты же не стал писать, что эсеры бомбу рванули?

– Конечно, не стал. Как говорится – не пойман, не вор.

О том, что к взрыву могли быть причастны местные социал-революционеры, слухи ходили. На последних выборах в уездный Совет подавляющее большинство депутатов были большевиками – сто шестьдесят из двухсот пятидесяти человек, а эсеры имели только сорок голосов. Но в причастности эсеров я сомневался. Всё-таки они могли убить ненароком и кого-то из своих.

Павлов между тем развивал свою мысль:

– Вот мы нынче, как пожарные – бежим туда, где пожар, а можно же было пожара-то не допустить, верно?

– Типа – снаряды и взрыватели должны храниться отдельно, чтобы не рвануло, а курить только в строго отведенных местах, так?

Видя, что Сашка уже собирался обидеться, я примирительно сказал:

– Сань, я же сейчас про то самое и талдычу. Если бы мы заранее знали, что кто-то готовит провокацию, то сообразили бы, что к складу нужно приставить охрану с пулеметом, а тех, кто народ на погром подбивает, взять под белы ручки да к стенке поставить.

– Вот, навряд ли того, – кивнул Сашка. – Пусть будут те, кто с контрреволюцией разбирается, доказательства собирает, а кто-то по городу бегает, контру ловит. Опять-таки полиции теперь нет, а кражи есть. При Керенском хотя бы милиция была, а теперь она только на бумаге.

Вот, честно говоря, я заслушался. Жаль, не знаю, как сложилась судьба этого парня потом. Скорее всего, его убили. Но если бы все большевики были такими, как он, как Тимохин или как моя Наталья, в будущем стало бы гораздо меньше проблем.

В отличие от Павлова, я знал, что отрядам Красной гвардии осталось существовать недолго. Они были хороши, пока надо было кого-то свергать, когда революционный задор может заменить и профессионализм. Теперь же настало время для появления регулярной армии, имевшей четкую субординацию и железную дисциплину. И преступников начнут ловить специально обученные люди, а не сами жители из отрядов самообороны. Ну, а про ВЧК я промолчу. Возможно, без неё бы прекрасно обошлись, но ведь кто-то же взорвал гранату у входа в Народный дом? И кто-то «завёл» толпу на грабёж?

Пока мы разговаривали, из склада стали появляться счастливчики, тащившие кто мешок, а кто коробку или бочонок.

– Ну, товарищи красногвардейцы, – обратился Павлов к отряду. – Попробуем хотя бы что-нибудь да отбить из народного имущества. Строимся.

Посмотрев на меня, усмехнулся:

– А ты, товарищ корреспондент, помогать станешь или в сторонке постоишь, а потом заметку напишешь?

– А куда же я денусь, товарищ командир, если я с вами? – ответно усмехнулся и я.

Сашка кивнул.

– Только, Володька, раз ты без оружия, так за нашими спинами стой, вперёд не лезь. По башке дадут – больно будет. Коли из наших кого убьют – винтовку возьмешь, а потом в строй встанешь.

Глава 5

Продотряд

К маю восемнадцатого у нас произошло множество изменений. Начать с того, что газета стала именоваться губернской, потому что город стал-таки губернским центром. Оно и правильно, потому что губернская столица Новгород (тогда ещё не Великий) отстоял от Череповца слишком далеко, а чтобы получить из него какие-то указания, приходилось ждать по несколько дней. Да и всё сообщение шло через Петроград.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.